

საქართველოს რესპუბლიკა
ბერძნული კულტურის ცენტრი „მაკედონია“

РЕСПУБЛИКА ГРУЗИЯ
ГРЕЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР «МАКЕДОНИЯ»

არისტოვალეს სახელობის
ბერძნულ-ქართული უნივერსიტეტის
შრომები

ტ. III

Т Р У Д Ы

ГРЕКО-ГРУЗИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. АРИСТОТЕЛЯ

т. III.

თბილისი — თბილისი
1995

ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЙГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГОВОРЯЩЕГО СУБЪЕКТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время проблема говорящего субъекта вызывает все растущий интерес исследователей в связи с развитием модальных и интенсиональных логик и прагматического аспекта языка вообще. Антропоцентрический принцип языка, восходящий к идеям Э. Бенвениста (1, 292-300), находит дальнейшее объяснение в трудах многих языковедов. В лингвистической концепции Ю.С. Степанова говорящий, творящий текст ЭГО, рассматривается как центральная категория современной прагматики, а сама прагматика определяется как отношение языка к говорящему, носителю языка (7, 326). По мнению автора, сущность этого отношения заключается в том, что говорящий своим актом своего утверждения как Я, присваивая в момент речи имя "Я", допускающее переменные референты для обозначения себя и только себя, тем самым присваивает себе весь язык, вкладывая на него координаты того времени, когда он говорит, того места, где он говорит, т.е. места произнесения речи, и заставляет слушающего принять эти координаты и сообразоваться с ними. При этом особую значимость акту говорения придает цикличность и стереотипность речевого акта общения, в силу чего слушающий, ставший говорящим, выполняет ту же самую операцию присвоения языка. Наиболее распространенным языковым обозначением говорящего субъекта, выступающего центральной координатой, по отношению которой организуются различные целого текста, является дейктическое Я.

В определении Я как эгоцентрического слова, лежащего в основе дейктических средств языка, должно учитываться только одно Я, это - Я в данный момент речепроизведения, т.е. говорящий ЭГО. Неоспоримым условием для такого отождествления Я с ЭГО яв-

является наличие указания на актуальный момент речепорождения. Однако в реальном процессе общения, соответственно и в тексте, как в продукте этого общения, нередко встречается и другие высказывания, относящиеся к Я не в настоящем, а в будущем или прошедшем времени. Существует мнение о том, что все другие Я (т.е. Я не в настоящем) должны определяться по отношению к эгоцентрическому Я как другие слова, точнее - как слова с другими значениями, ибо они "описывают не Эго, а некий иной объект, который в интерпретации условно приравнивается, но не отождествляется с Эго" (4, 345-346). Я - это языковая единица, с помощью которой осуществляется указание на соотносительность отдельных частей в границах целого текста, в то время как Эго, на наш взгляд, является элементом интерпретации. Такое разграничение между Я и Эго можно связывать с разрывом между грамматическими и логическими понятиями слова "субъект". В первом случае оно обозначает подлежащее предложения, предмета речи, т.е. то, о чем нечто сообщается; в то время как во втором случае Я репрезентирует субъект речи, познающего и действующего человека, противостоящего внешнему миру как объекту познания, т.е. то, что несет в себе некую информацию (о двух полярных типах субъектов см. II, 107; 7, 335).

Лейктивное Я - это скрепляющая текст в единое целое языковая единица, вокруг которой организуется повествование. В настоящей работе предполагается, что текстообразующая функция говорящего Я заложена в его способности расслаиваться на разные семантические пласты. В основу такого расслоения кладется тезис философов языка о квантификации сингулярных терминов в контекстах с пропозициональными установками. Концепция "пропозициональных установок" впервые была введена в рамках логического анализа

Б. Расселом в 1940 году, в потом получила широкое лингвистическое распространение (12). Под этим термином понимается выражение позиции говорящего по отношению к тому, что он затем хочет сказать. Как полагает Я. Хинтиikka, наиболее характерной чертой использования пропозициональных установок является то, что, употребляя их, мы рассматриваем сразу несколько возможных состояний нашего мира (8, 74). Для наших целей заслуживает внимания идея Я. Хинтиikka о референтной соотносительности сингулярных терминов, обозначающих индивидуальные константы в разных возможных мирах. Как утверждает автор, индивидуальная константа, встречающаяся в области некоторого оператора пропозициональной установки, не вылезает из множества индивидов какой-либо объективной индивидии. Скорее, она индексирует по индивиду в каждом из возможных миров, которые нам приходится рассматривать. Указанная идея находит дальнейшее развитие в лингвистической концепции Р. С. Степанова, который отмечает, что индивиды в логическом возможном мире могут "раскаплеваться" в том смысле, что "одному имени будет отвечать иной индивид, чем в действительном мире, или несколько индивидов, тогда как в действительном мире он был один" (7, 257). Поскольку говорящий Я является лицом страдания индивидуальности имен и субъектов предложений, мы допускаем расщепление единственного Я в тексте, тем более общезвестно, что оно выполняет преимущественно функцию индивидуализации. Представляется, что нагляднее всего семантическое расщепление действительного "Я" манифестируется при эгоцентрической подаче мысли, т.е. подаче мысли от 1-го лица, вокруг которого организуется все повествование.

Проанализируем отрывок из романа Г. П. Уоррена "Белая королевская рать". Предполагаем, что обращение к произведению художественной прозы может создать основу, наиболее адекватную для

теоретических обобщений. Острые приводится в сокращенном виде.

Ср.: "That was the way it was the last time I saw Mason City, nearly three years ago, back in the summer of 1936. I was in the first car, the Cadillac, with the Boss and Mr. Duffy and the Boss's wife and son and Sugar-Boy..."

Sugar-Boy was driving the Cadillac... He wore a little Papist medal on a chain, and I always hoped to God it was St. Christopher and that St. Christopher was on the job...

The Boss was sitting in the front seat with Sugar-Boy and his kid Tom up there with him. Tom was eighteen or nineteen - I forgot which... That day I couldn't see his face. I remembered thinking his head, the shape and the way it was set on his shoulders, was just like his old man's head.

Mrs. Stark - Lucy Stark, the wife of the Boss, Tiny Duffy and I were in the back seat - Lucy Stark between Tiny and me... She gave herself to her thoughts. I reckon she had plenty to think about...

We were doing forty by the time we passed the brick schoolhouse on the outskirts of town. Seeing the schoolhouse made me remember how I had first met Willie, about fourteen years before, back in 1922, when he wasn't anything but the County Treasurer of Mason City and had come down to the city to see about the bond issue to build that schoolhouse. Then I remembered how I had met him in the back room of Slade's pool hall...

Duffy and I had been in the back room of Slade's place waiting for Alex, with whom I had the hope of transacting a little business. I was a newspaperman and Alex knew something I wanted to know. Duffy had called him in, for Duffy was a friend of mine. At least, he knew that I worked for the Chronicle...

...

The last time I saw Mason City I went up there in that big black Cadillac with the Boss and the Gang and it was a long time ago - nearly three years, for it is now into 1939, but it seems like forever".

/Warren E.P., All the King's Men, pp. 23-24-31-33/

В приведенном отрывке манифестируется эгоцентрическая подача мысли, под которой говорящий организует новостное событие

вокруг себя: он предельно субъективен, исходит из позиций своего Я и заставляет читающего осознаться в нем для адекватного восприятия связного. Восприятие информации усложняется неоднозначностью единого Я, которое реализуется в тексте в разных своих проявлениях.

В лингвистической литературе нередко высказывалось мнение об анафорическом употреблении местоимения первого лица, когда высказывания относятся к Я в прошедшем времени (9, 515-516). Такое предположение представляется нам спорным, ибо под анафорой обычно понимается указание на элементы контекста, т.е. на идентичность одного акта речи или его элементов другому акту речи или его элементам. Соответственно в тексте анафорическая структура состоит из двух частей: 1) из относительной с местоимением лексической единицы (названного слова), группы слов или целого фрагмента текста - интелемента, и 2) местоимения или местоименной конструкции, называемой субститутом. Если отсутствует речевая ситуация "интелемент - субститут", местоимение не может выполнять анафорическую функцию (ср. II, 659). Дейктическое Я, указывая вслух на объект действительности непосредственно, не может замещать какое-либо предшествующее или последующее слово или языковое выражение в тексте. На наш взгляд, при субъективной передаче информации от первого лица границы действия местоименного слова Я не очерчиваются лишь одним речевым актом высказывания. Функционирование дейктического механизма в таком случае переносится в рамки текста, ориентируя внимание читающего на определенные его части в непрерывном повествовании (ср. интерпретацию текстового эйкписа в II). Текст - это лингвистическая макро-единица, которая организуется во времени и пространстве и, которая в письменном виде фиксируется графически в линейной последовательности. С помощью разных личных и временно-пространствен-

ных действительных указателей образуется парадигма речевых координат, по которым организуется текст. Центральное место в этой парадигме, как уже отмечалось выше, занимает оппозиция Я-ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС, которая служит точкой отсчета при ориентации читающего в основных направлениях развития событий в речепроизводстве. В иллюстративном фрагменте текст организуется по трем координатам:

- 1) Я-СЕЙЧАС (в момент речи) = Я - в 1939 году;
- 2) Я-ТАМ-ТОГДА (в прошлом) = Я-то в дороге в Майзон Сити - в 1936 г.
- 3) Я-ТАМ-ТОГДА (в далеком прошлом) = Я - в Майзон Сити - в 1922 г.

При таком положении естественно первого лица, эликса Я, распадается на разные семантические плоскости. Первое Я, которое является ядром этого личностного высказывания - говорящий субъект, творящий текст Эго, устанавливающий референтные отношения с главным персонажем романа Джейком Бердсом, солитером, который будучи рассказчиком, рассказывает о себе и о других, тем самым выступая основным ориентиром в тексте. Говорящий Я (Я₁) находится в базисной точке пространственно-временных координат Я-ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС, по которым осуществляется протекающий акт речи. В предложениях, в которых акцентируется актуальное время речепроизводства, личностный Я присутствует явственно - "It is now into 1939..." ("сейчас уже 1939-й..."). Такое явное присутствие субъекта речи вполне допустимо, ибо сам факт говорения предполагает его существование. Все остальные Я в тексте, т.е. Я не в настоящем времени, являются разными проявлениями действительного Я и поэтому их свертывание в тексте не допускается.

В первом отрывке события развертываются по координатам Я-то в дороге в Майзон Сити - в 1936 году. В этом фрагменте текста Я уже не является субъектом речи, но зато вычленилось понятие сообщения, т.е. то о чем нечто лишь утверждается. Референтом упомянутого Я является Джейк Бердс, который на этот раз присутствует

как доверенное лицо Виули Старка: "I saw Mason City nearly three years ago, back in the summer of 1936. I was in the first car..."

(«Таким и застал Мейсон Сити в последний раз — почти три года назад, летом 36-го. Я сидел в первой машине...»). Здесь Я есть поддемадсе предложения, репрезентирующее субъект пропозиции.

Поскольку первая ижд несквозначна, разные его проявления обдают и разными возможностями совмещения с разными типами высказываний. В ходе повествования на передний план выдвигается то

одно, то другое его значение. Так, в следующем его употреблении

"I always hoped to God it was St. Christopher..." ("Я надеялся всей душой, что это св. Христофор...") местоимение первого лица

индивидуализирует уже субъекта пропозициональной установки на-

дежды. Хроническое изложение фактов сопровождается и прерывается внутренними комментариями говорящего лица, манифестируемого

действительным Я. Ср.: "Tom was eighteen or nineteen, I forgot which"

(«Тому было лет восемнадцать или девятнадцать — не помню точно»),

или же: "I reckon she had plenty to think about." ("Подозреваю^I, что ей было о чем подумать".).

Исследование показывает, что членение Я предполагает и расчленение временных планов повествования. Следует отметить,

что пространственно-временная сегментация текста в лингвистичес-

кой литературе рассматривается как одно из частных проявлений

эгоцентрической модели повествования (С, 25). Вычленение каждого следую-

щего семантического участка из единого Я сопровождается перемено-

ю плана повествования из одной временной плоскости в другую.

Проявляется это оказавшее фрагментом вышеприведенного текста,

в котором действительное Я манифестируется в трех измерениях:

Следует обратить внимание на тот факт, что морфологические характеристики русского глагола позволяют имплицитное действующее Я в настоящем времени.

"We were doing forty by the time we passed the brick schoolhouse on the outskirts of town. Seeing the schoolhouse made me remember how I had first met Willie, about fourteen years before, back in 1922... Then I remembered how I had met him in the backroom of Slade's pool hall". ("Кирпичную школу на окраине мы миновали со скоростью сорок миль. Тут я вспомнил, как впервые встретился с Вилли, четырнадцать лет назад, в 1922-м... Я вспомнил, как я познакомился с ним в задней комнате у (Слейда)". В этом отрывке лексический компонент "I saw that..." ("Я говорю, что..."), состоящий из говорящего Я (Я₁) в плоскости настоящего времени, присутствует имплицитно и требует упрощения. В лингвистической литературе известно, что компонент "Я говорю, что..." с обычным значением глагола "говорить" ("say") возникает в контексте речевого акта в любом высказывании, и поэтому в прозаическом изложении обязательно опускается. Следовательно, если компонент "Я говорю, что..." сохраняется в высказывании, то это потому, что "говорить" на этот раз имеет не обычное, а какое-то более богатое значение с коннотативными семантиками (3, 371; 6, 138). Второе Я (Я₂) - это Я, существующий в плоскости развития событий в 1916 году. Это - субъект ментального состояния воспоминания, в силу чего Я₂ может быть определен как субъект пропозициональной установки, в то время как в "How I had met him" Я отговаривается объектом установки (Я₃), или предметом обсуждения, которое заключается в самой пропозиции. События, отнесенные в данной пропозиции, развертываются в 1922 году и грамматически близки к их развитию маркируемым совершенным временем глагола. Референтом третьего Я (Я₃) является Берден-журналист, сотрудник газеты "Хроники".

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы: текстобразующая функция действительного Я, обозначающего гово-

речевого субъекта, наиболее всего манифестируется при эгоцентрической точке мысли, которая в языковой оформленности характеризуется относительно закрепленным набором конструктивных признаков и речевых средств повествования. Выступая организующим центром повествования единое Я объединяет вокруг себя разные фрагменты текста. В таком случае функционирование дейктического Я, обычно действующего в рамках одного протекающего акта речи, расширяется и осуществляется дискурсивным, или текстовой дейксисом, благодаря которому устанавливается относительность отдельных частей в границах целого речевого произведения. Однако между говорящим Я и типом повествования существует двусторонняя связь: не только субъект речи определяет речевое воплощение повествования, но и формы речи вызывают с известной определенностью представления о субъекте, создавая его образ. В результате происходит расщепление единого Я на разные семантические пласты, которое обязательно сопровождается переходом плана повествования из одной временной плоскости в другую. Вычленение разных семантических пластов из дейктического Я осуществляется по мере передвижения единого Я по субъективной шкале отсчета. В нулевой точке отсчета речевого пространства Я-ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС находится говорящий Я, творящий текст субъект речи, который становится субъектом в Эго, это - Я вот, что несет в себе нечто. С изменением восприятия повествования, в плоскости ориентиров Я-ТАМ-ТОГДА, единое Я вычленяет из себя предмет речи, т.е. то, что утверждается. Соответственно дейктическое Я выступает тогда субъектом провозглашающей утоньски, то как субъект самой провозглашающей. При таком типе репрезентации повествования текст предстает как некое хаотичное иерархическое построение, организующее вокруг единого Я, которое в какой плоскости развития воспринимается действительности активизирует говорящего Я. в рас-

ных его проявлениях, вследствие чего выявление соответствующего референта осуществляется лишь в контексте речевого произведения. В этом заключается уникальность лингво-прагматических особенностей действительной репрезентации говорящего субъекта в английском языке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: "Прогресс", 1974.
2. Вольф Н.М. Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков). М.: "Наука", 1974.
3. Демьянков В.З. "Субъект", "тема", "топик" в американской лингвистике последних лет (Обзор II). // Известия АН СССР. СЛЯ, т. 38, № 4, 1979, с. 368-380.
4. Демьянков В.З. Предикаты и концепция семантической интерпретации. // Известия АН СССР. СЛЯ, т. 39, № 4, 1980, с. 336-346.
5. Лобачев Б.З. О категориях эго- и альтерэгоцентризма. В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1981. Ч. 1. "Наука", 1983.
6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М. 1985.
7. Степанов Д.С. В трехмерном пространстве языка (Семiotic-ческие проблемы лингвистики, философии, искусства). М., 1965.
8. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М. 1980.
9. Brecht R.D. Deixis in embedded structures. // Foundations of Language, v. 11, N 4, Dordrecht 1974, p. 489-518.
10. Ehlich K. Anaphora and deixis: same, similar, or different? - In: Speech, place and action. Studies in deixis and related topics. Chichester - N.Y., 1982, p. 315-338.
11. Lyons J. Deixis and subjectivity: Loquor, ergo sum? - In: Studies in deixis and related topics... Chichester-N.Y., 1982.
12. Russell B. An inquiry into meaning and truth. London: Unwin Paperbacks, 1980.